

Т. И. ТЕПЛЯШИНОЙ 80 ЛЕТ*

Тамара Ивановна Тепляшина — кандидат филологических наук, автор свыше ста научных трудов, ветеран Великой Отечественной войны — является знаковой фигурой в удмуртоведении, ибо с ее именем и научной деятельностью связано возрождение к развитию на новом этапе ряда отраслей удмуртского языкознания: диалектологии, ономастики, изучения памятников ранней письменности.

Путь в лингвистическую науку для Т. И. Тепляшиной оказался трудным и извилистым. Родилась она 9 марта 1924 г. в д. Малая Кизня (Пичи Кизьна) Дебесского района Вотской автономной области (ныне Удмуртская Республика) в крестьянской семье. В 1931—1934 гг. училась в начальной школе родной деревни, в 1934—1937 гг. — в Усть-Лемской неполной средней школе. После окончания семилетки для нее начались трудовые будни в Ижевске (в три года осталась без отца), одновременно училась в школе рабочей молодежи. В 1941 г. поступила на литературный факультет Удмуртского педагогического института. В декабре 1942 г. 18-летней девушкой ушла на фронт и всю войну (до января 1946 г.) прослужила зенитчицей на Карельском фронте и на Дальнем Востоке. Стремление получить филологическое образование привело ее в сентябре 1946 г. на финно-угорское отделение восточного факультета Ленинградского университета им. А. А. Жданова. Здесь в полной мере проявился ее интерес к языкам и к самой лингвистике. В 1949 г. защитой дипломной работы на тему «Из истории спряжений пермских языков» Т. И. Тепляшина за-

кончила университет и возвратилась в Ижевск. Начав свою трудовую деятельность на поприще языковедения как лексикограф (некоторое время работала над составлением «Русско-удмуртского словаря» (Москва 1956)), по счастливому стечению обстоятельств она оказалась аспиранткой в Институте языкознания АН СССР (1952—1955 гг.). В 1955 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Тыловый диалект удмуртского языка», написанную под руководством известного финно-угроведа В. И. Лыткина. Проработав несколько лет ассистентом на кафедре русского языка Рязанского педагогического института, в 1959 г. она

вернулась в Москву и с сентября того же года вплоть до выхода на пенсию работала в Институте языкознания АН СССР, вначале младшим, а затем старшим научным сотрудником сектора, позже лаборатории финно-угорских языков.

В своей диссертации Т. И. Тепляшина описала фонетические и морфологические особенности одного из северно-удмуртских, родного ей говора с применением элементов экспериментальной фонетики — рентгеноносимков, положив тем самым начало широкомасштабному исследованию удмуртской диалектной фонетики с помощью инструментальных методов на диссертационном уровне (И. В. Тараканов, А. М. Акмаров, В. Н. Денисов, Т. А. Краснова, П. И. Воронцов, Е. Б. Белова).

Однако научная значимость данного труда, положившего начало в е д у щ е м у н а п р а в л е н и ю в научной деятельности Т. И. Тепляшиной, оказалась и для удмуртского языкознания существенно шире, чем просто синхронное описание одного из говоров. Дело в том, что удмуртская научная диалектология, зародившаяся в середине XIX в. работой Ф. Й. Видемана (Wiedemann 1858), развивалась на I этапе своей истории (1858—1928 гг.) преимущественно в «прагматическом» направлении — сбора и издания образцов бытовой и поэтической речи и составления диалектологических словарей, а II этап (1929—1954 гг.) характеризовался застоєм, обусловленным не только крайне неблагоприятной для творческой деятельности ученых общественно-политической обстановкой в СССР, но и необходимостью направить наличные языковедческие силы «на составление нормативных грамматик и словарей, что подсказывалось задачами языкового строительства молодой социалистической республики. [---] В силу этого диалектологическая работа оказалась [---] на втором плане и начала развертываться очень поздно» (Тепляшина 1963 : 291). Рукописная монография Т. И. Тепляшиной «Тыловайский диалект удмуртского языка» оказалась не только блестящей путевкой для ее автора в удмуртскую диалектологию, но

и ознаменовала собой начало III этапа в истории науки об удмуртских диалектах — т. н. теоретического периода ее развития (1955—). Т. И. Тепляшина свой опыт диалектолога использовала в дальнейшем для изучения ряда других удмуртских говоров: глазовского (Некоторые особенности глазовского диалекта, 1959; в соавторстве с В. И. Лыткиным), шошминского (Из наблюдений над фонетическими особенностями шошминского диалекта удмуртского языка, 1961), нижнечепецкого (О суффиксах сравнительной степени в северо-западных удмуртских диалектах, 1964; Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия, 1970), закамских (Тюркские элементы в терминах родства удмуртов Башкирии, 1966; Термины родства у удмуртов, проживающих в Башкирии, 1969), верхнеижских (Заметки по верхнеижским удмуртским говорам, 1973) и др. Кроме того, ею «в целях планомерного изучения удмуртских говоров» (Тепляшина 1963 : 292) составлена и издана «Краткая программа-вопросник по собиранию сведений об удмуртских диалектах» (первоначальный рукописный вариант — в соавторстве с В. И. Лыткиным, Москва 1966), значительно облегчившая работу других удмуртских диалектологов по сбору языкового материала в полевых условиях и организацию полевой практики студентов Удмуртского государственного университета по удмуртской диалектологии.

Центральное место в творчестве Т. И. Тепляшиной как диалектолога занимает, естественно, монография «Язык бесермян» (1970), написанная на основе глубокого изучения почти всех письменных источников и исследований о бесермянах и их языке, с одной стороны, и собранного ею в течение многих лет в полевых условиях диалектного материала на территории современного (60-е годы XX в.) проживания различных групп бесермян, с другой. В книге не нашлось, к сожалению, места для глав о причастиях, деепричастиях, наречиях и служебных частях речи, словаря диалектных слов. Тем не менее богатый фонетический и лексический материал представляет собой хорошую

эмпирическую базу для современных и будущих исследований, в той или иной степени касающихся языка бесермян. Именно благодаря добротному фактическому материалу книга «Язык бесермян» вместе с серией диалектологических публикаций автора по этой теме в виде статей и тезисов к докладам (О терминах родства у бесермян, 1963; Мена бесермянских шипящих и свистящих аффрикат палатальными согласными, 1970; Влияние переднерядных гласных на качество согласных в языке бесермян, 1971; Древнебулгарские субстратные явления в языке бесермян; Лично-притяжательные формы бесермянских терминов родства, 1975; и др.) вошла в «золотой фонд» удмуртского языкознания. Не случайно эта работа в целом получила высокую оценку коллег (см. Szij 1972; Калинина 1973; Алвре 1976).

Однако рецензенты книги отмечают и ряд ее пробелов, упущений и ошибок (Szij 1972 : 256; Алвре 1976 : 150—153), среди которых наиболее серьезным, на мой взгляд, является все же излишнее увлечение автора гипотезой о тюркском происхождении бесермян и о «каком-то тюркском», «древнетюркском», «древнебулгарском», «древнечувашском» и т. д. субстрате в их языке. Подвластная этой *idea fixa*, Т. И. Тепляшина почти все характерологические особенности фонетики языка бесермян приписала результатам влияния субстрата даже в тех случаях, когда эти явления легко могли быть диахронически интерпретированы как следствие внутреннего развития фонетической системы праудмуртского языка в условиях бесермянской речи и не всегда соотносимы с особенностями языка-субстрата.

Последняя крупная работа Т. И. Тепляшиной в данной области — это ареальное описание удмуртских диалектов, выполненное по общему плану лаборатории финно-угорских языков Института языкознания АН СССР. В результате неблагоприятного стечения обстоятельств монография до сих пор находится в рукописи, и долг современных удмуртских лингвистов — довести ее до рядового читателя.

Вторая отрасль удмуртского языкознания, где Т. И. Тепляшина явилась также своеобразным пионером, — это ономастика, которая начала интенсивно развиваться в нашей стране с 50—60-х годов XX столетия. Юбилеар оказалась на гребне этой волны не только потому, что начало сознательной научной деятельности ее хронологически совпало с возрождением ономастики в СССР, но и по той простой причине, что Т. И. Тепляшиной удалось успешно совместить свои диалектологические изыскания в полевых условиях с ономастическими. Свидетельством сказанному служит то, что из более чем трех десятков опубликованных статей по топонимике (О способах образования топонимов бассейна реки Чепцы, 1967; Специфика удмуртской топонимии и Основные типы топонимии юга Удмуртии, 1968; Топонимы на *-кар* и некоторые вопросы, связанные с расселением бесермян и Еще раз о топоформанте *-ым (-им)*, 1970; Топонимия, распространенная в районе расселения бесермян, 1975; Об удмуртском топониме *Аргурт*, 1977; О названии *Кизьна*, 1997; и др.), антропонимике (О древнеудмуртских личных именах и Становление бесермянских фамилий, 1969; Двойные имена удмуртов, Заметки по фонетике бесермянских личных имен и Древние бесермянские фамилии, 1970; О современных бесермянских фамилиях и Динамика антропонимии удмуртов Башкирии, 1971; и т. д.) и этнонимике (К вопросу об этнониме *пор*, 1967; Термины *бесермяне* и *чуваши* в письменных источниках, 1968; Этноним бесермяне, 1970; Удмуртские личные имена, связанные с этнонимами, 1971; и др.) абсолютное большинство связано с территорией проживания удмуртов и бесермян, говоры которых она исследовала.

Фундаментальной работой автора в этой области удмуртской (и пермской) лингвистики является монография «Антропонимические модели пермских языков» (Москва 1978), источником для которой послужили: (1) «для раннего периода — писцовые и переписные книги XV—XVII вв., в которых перечисляются населенные пункты, указывается нацио-

нальный состав жителей селений, отмечается принадлежность дворов представителям той или иной народности, во многих регистрируется все наличное количество лиц мужского пола...»; (2) «для более позднего периода были использованы различные материалы, собранные исследователями XIX—XX вв., а также Списки населенных мест по губерниям второй половины XIX — нач. XX в.»; (3) «современная антропонимия удмуртов, коми и коми-пермяков прослежена на материалах похозяйственных книг», а также записи, произведенные ею «на местах во время командировок в районы расселения пермских народов» (с. 18).

Данная монография в целом получила хороший отзыв рецензента (см. Simm 1980 : 231, 232). Огромная заслуга перед удмуртским языкознанием Т. И. Тепляшиной как ономаста заключается и в том, что она своими трудами и энтузиазмом «заразила» наукой о собственных именах более молодых лингвистов — Г. А. Архипова, С. К. Бушмакина, С. В. Соколова, Р. Ш. Насибуллина, В. К. Кельмакова и др., которые, хотя и не стали ономастологами, тем не менее получили известность в этой области рядом своих публикаций. Не без ее прямого или косвенного влияния избрали в качестве основной специализации именно ономастику ныне доктор филологических наук М. Г. Атаманов и кандидаты филологических наук Л. В. Вахрушева и Л. Е. Кириллова.

Третье направление в удмуртской лингвистике, в котором Т. И. Тепляшина добилась определенных успехов и тем самым подвинула молодое поколение языковедов на дальнейшее его развитие — это изучение и публикация ранних памятников удмуртской письменности. Помимо нескольких статей (Из истории удмуртской графики, 1965; Об удмуртско-русском словаре Захария Кротова, 1971; Морфологические диалектизмы в словаре З. Кротова, 1973), ею издана книга «Памятники удмуртской письменности XVIII века» (Москва 1965), включающая свыше десятка наиболее ранних письменных документов, а также два анонимных стихотворения

— в честь посещения Екатериной II г. Казани (с. 225) и в честь открытия Казанского наместничества (с. 226—229). Юбиляр не просто издает впервые или переиздает ранние письменные памятники удмуртского языка, но и сопровождает историей их составления и первоначальной публикации, снабжает весьма квалифицированными комментариями графического, фонетического и диалектологического характера с привлечением данных из современных удмуртских говоров и литературного языка, а в некоторых случаях и из родственных языков, иногда предлагает расшифровку неясных слов и их форм.

Непреодолимое значение данной работы Т. И. Тепляшиной заключается в том, что она, во-первых, труднодоступные или совершенно не доступные для большинства ученых и рядовых читателей (преподавателей, студентов) ранние письменные документы сделала достоянием широкого круга исследователей и пользователей; во-вторых, дала начало целой серии изданий и переизданий ранних памятников удмуртской письменности.

Огромная роль Т. И. Тепляшиной в интенсификации этой области удмуртского языкознания состоит и в том, что ею в свое время в различных книгохранилищах страны были сняты копии с ряда ранних рукописных памятников и переданы в архивный фонд Удмуртского научно-исследовательского института, тем самым она значительно облегчила их издание.

Научный опыт, приобретенный в работе над кандидатской диссертацией и в исследовании частных проблем, позволил Т. И. Тепляшиной в дальнейшем перейти к темам общего и обобщающего характера. К таковым я мог бы отнести, например, главы «Фонетика» и «Графика» 1-го тома «Грамматики современного удмуртского языка» (Ижевск 1962), написанные вместе с В. И. Лыткиным (думается, что соавторское с В. И. Лыткиным исполнение некоторых работ оказалось хорошей школой для юбиляра); главу «Удмуртский язык» в коллективном труде «Языки народов СССР, т. 3. Финно-угорские и самодийские языки»

(Москва 1966); раздел «Пермские языки» в 3-томном обобщающем исследовании «Основы финно-угорского языкознания» (Москва 1976); статьи по диалектной и исторической морфологии удмуртского языка (Употребление формантов аккузатива множественного числа в удмуртских диалектах и Способы выражения вокативности в удмуртском языке, 1975; О новых удмуртских падежах, 1981), а также по истории удмуртского и финно-угорского языкознания (К столетию со дня рождения А. И. Емельянова (1879—1979), 1979; Дауръёс, калыкъёс, учёнойёс, 1987).

Одной из самых значительных работ юбиляра стала «Типологическая эволюция структуры прафинно-угорского корня в пермских языках» (1978), выполненная в рамках общей темы лаборатории финно-угорских языков Института языкознания АН СССР и опубликованная в коллективном сборнике «Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам» (Москва 1978). Здесь автор на достаточно репрезентативном этимологическом материале анализирует парадигматические и синтагматические фонемные изменения, имевшие место на путях преобразования фонетической структуры финно-угорского праязыкового корня в прапермскую, среди них отпадение конечных гласных финно-угорской основы и появление в пермском праязыке массы односложных непроемных основ различной фонетической структуры (CVC, CV и др.) (с. 266—270); случаи сохранения конечных *j* (-i) в удмуртском языке при отпадении их в коми (с. 270—274); отпадение финальных согласных прапермской основы, обнажившихся после исчезновения ауслатных финно-угорских гласных (с. 275—281); озвончение финно-угорских глухих согласных в различных позициях прапермской основы (с. 281—300); изменение гласных первого слога финно-угорской непроемной основы на базе прапермского языка (с. 301—313) и т. д. Небольшое место в работе занимают фонетические процессы, характерные для пермского праязыка и отдельных удмуртского и коми языков (с. 314—325). Эта работа знаменательна

в творчестве ученого в нескольких отношениях:

во-первых, она вместе с предшествующими пробными статьями и тезисами автора по исторической фонетике удмуртских диалектов (Подмена шипящих звуков свистящими в языках Волго-Камья, 1971; Об одном волжско-камском ареальном явлении, 1972; Исторические изменения фонетики пермских языков — признаки диалектного членения, 1973; Die Realisierung des Lautes *j in den urmurtischen Mundarten, 1973) наметила возникновение в лингвистическом творчестве юбиляра четвертого направления — историко-фонетического;

во-вторых, продемонстрировала творческую зрелость исследовательницы, готовность ее браться за решение серьезных историко-фонетических вопросов удмуртского (и пермского) языкознания. Этому в немалой степени способствовали 1) владение ею важнейшей источниковой базой (фонетикой современного удмуртского литературного языка, материалами диалектов и ономастики, сведениями из данных письменных памятников, результатами контактирования удмуртского языка с соседними;¹ 2) богатый опыт исследования различных (фонетического, лексического, морфологического) уровней системы удмуртского языка; 3) знание фундаментальных трудов в области финно-угроведения, тюркологии и русистики; 4) умение оценивать работы своих коллег² и, возможно, не в последнюю очередь, 5) бескорыстная консультационная помощь

¹ Ср., к примеру, в сфере терминов родства и ономастики: «Бесермянские термины, выражающие понятия «мать» и «отец»» и «Тюркские элементы в терминах родства удмуртов Башкирии» (1966), «Удмуртское влияние на патронимию каринских татар» (1973) и т. д.

² Так, она написала рецензии на диссертации В. К. Кельмакова «Кукморский диалект удмуртского языка» (1971), С. К. Бушмакина «Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка» (1972), Б. Ш. Загуляевой «Прикильмезские говоры удмуртского языка» (1981).

В. И. Лыткина в ходе выполнения ею исследовательских работ и редакторской правки готовой к опубликованию научной продукции;

в-третьих, свидетельствует и о некоторой скованности Т. И. Тепляшиной при выдвижении проблем по истории языка и самостоятельном их решении, о большей, чем следовало бы, зависимости ее от ранее опубликованных финно-угроведов и пермистами работ в работе нередко лишь фиксирует те или фонетические изменения определенного периода, не объясняя причин их появления, например, делабиализацию прапермских гласных **ö* и **i* (с. 314—315); лабиализацию гласных непервого слога слова в удмуртском языке (с. 319)³;

³ Время и причины протекания этого фонетического изменения подробно объяснены в работе: Кельмаков 1975 : 79—86.

переход праперм. **o* (**ø* и **ɔ*) в удм. *u* (с. 319—321)⁴ и др.

Т. И. Тепляшиной в марте 2004 г. исполнилось 80 лет, и мы счастливы видеть ее, старейшую исследовательницу удмуртского языка, среди нас. Она уже отошла от лингвистической науки и занимается тем, к чему в данное время лежит ее душа — общественными, национальными и ветеранскими делами. Т. И. Тепляшина имеет на это полное право, ибо свое земное предназначение как исследователь удмуртского языка она уже, по моему глубокому убеждению, выполнила с лихвой.

Земной поклон Вам, дорогая Тамара Ивановна, за это!

⁴ О сужении праперм. **o* в удм. *u* см. также: Бубрих 1929; 1948 : 38—40; Кельмаков 1978 : 33—37.

ЛИТЕРАТУРА

- А л в р е П. 1978, [Рец. на] Т. И. Тепляшина, *Язык бесермян*. Москва, «Наука», 1970. — Труды по финно-угроведению, Tartu (FU 3), 149—153.
- Б у б р и х Д. В. 1929, К вопросу о пермском вокализме. — Бюллетень Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей 4, Ленинград, 18—19.
- — 1948, Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком), Ижевск, Удмуртгосиздат.
- К а л и н и н а Л. И. 1973, [Рец. на] Т. И. Тепляшина, *Язык бесермян*. Москва, «Наука», 1970. — СФУ IX, 73—74.
- К е л ь м а к о в В. К. 1975, Финно-угорская праязыковая особенность вокализма непервого слога и ее следы в пермских языках. — Вопросы удмуртского языкознания. Сборник статей, вып. 3, Ижевск (Удм. НИИ истории, этномики, литературы и языка при Совмине Удм. АССР), 65—89.
- — 1978, К вопросу о «двух *o*» в праудмуртском языке. — СФУ XIX, 20—40.
- Т е п л я ш и н а Т. И. 1963, Об основном содержании программы по изучению удмуртских диалектов. — СIFU I, 291—294.
- S i m m, J. 1980, [Рец. на] Т. И. Тепляшина, Антропонимические модели пермских языков, Москва, «Наука» (АН СССР. Институт языкознания). — СФУ XVI, 231—232.
- S z í j, E. 1972, [Рец. на] Т. И. Тепляшина, *Язык бесермян*, Москва, «Наука», 1970. — NyK LXXIV/1, 253—256.
- W i e d e m a n n, F. J., 1858, Zur Dialektenkunde der wotjakischen Sprache. — Bulletin de la Classe des Sciences Historiques, Philologiques et Politiques de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg, 240—256.

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)